

Разновидности экономики и экономизм

Валерий Голофаст
Социологический институт РАН
golofast@mail.ru

В российской социальной науке экономические понятия превратились в иконы. Создается впечатление, что исследователи смотрят на них как бы под гипнозом, не замечая их действительного смысла, не контролируя логику их применения, не понимая их места среди других понятий социальной теории, не догадываясь об изменении их исторического смысла, идеологического значения, прагматики применения. Одним словом, социальная наука оказалась в плену некритического экономизма - одновременно моды и практической необходимости, эффекта иностранного вторжения и раблепного подобиюстрастия. Мало того, что при вступлении в полосу реформ были отброшены все отечественные достижения и традиции - вместе с водой выплеснули и ребенка. Так и зарубежный опыт воспринимается или трактуется только в предвзятых идеологических перспективах. Прежде всего это касается самого понятия экономики.

Разновидности экономики

Что такое экономика? Какое место в современном мире она занимает? Каково ее место в жизни мужчины или женщины, ребенка или старика? Каково ее место в общественном процессе, ее отношение к культуре, государству, религии, науке, словом, к другим социальным секторам или институтам, социальным действиям или ценностям? И прежде всего, насколько экономика современного общества однородна, однокачественна, едина, чтобы оправдать унифицированный и упрощенный взгляд на ее суть, чтобы преподавать его во всей системе образования и воспитания - от семьи до докторантуры и академии, - как расхожую систему убеждений здравого смысла или рекламных лозунгов и политических догм.

Современная глобальная экономика построена на господствующем принципе - прибыль. Все, что не приносит прибыли, отбрасывается в сторону. Чем больше прибыли приносит некоторая деятельность, тем больше веры вкладывается в ее расширение, и наоборот, если прибыль падает, несмотря на усилия по удержанию ее уровня, такая деятельность немедленно бросается. Финансовый капитал уходит в сторону. Чудаки могут упорствовать, но они перестают интересовать большинство инвесторов. Если прибыль падает, делается все, чтобы скрыть этот печальный факт. В ход идет все - от приписок до лоббирования силами президентов, телезвезд, спортсменов или генералов. Экономика прибыли доминирует в мире. Она ворочает триллионами. Но является ли она единственной, имеющей право называться экономикой? Нет, рядом с ней, повсюду - от мегагородов, где расположены крупнейшие фондовые и финансовые биржи мира, до заброшенных пустынь, гор и лесов существует экономика выживания. Она не всегда эффективна - от голода, непого-

ды, болезней продолжают умирать. Но все-таки она повсеместна. Чтобы выжить, в ход идет все. Продолжать жить, выкормить детей, поддержать другого - этому подчинено каждое мгновение существования. Между этими полюсами - экономики прибыли и экономики выживания - простирается, кажется, все пространство истории, этнографии, экологии. Экономики паразитизма, симбиоза, полной зависимости и безответственной свободы.

Одно время казалось, что всякая другая экономика в любом обществе существует только за счет экономики прибыли. Это идея социального сектора - перераспределения в пользу слабых, проигравших в гонке за прибыль. Идея государства благосостояния. Но когда правительства становятся просто лоббистами успешного бизнеса, социальные программы сворачиваются. Остается только лицемерная игра в благотворительность, когда человек, получивший наследственный или прижизненный капитал, уставший от бизнеса, ушедший на покой, вспоминает о своих грехах или заботится о своем светском статусе. Не будем упоминать тот случай, когда благотворительность, спонсорство становится просто игрой с властью, рекламой, борьбой за привилегированные кадры или ресурсы. Это ведь не что иное, как циничное продолжение бизнеса. Итак, социальные программы и благотворительность - это просто два спутника экономики прибыли. Они сопровождают ее в пору успеха, но немедленно хулеют в пору кризиса.

А как же другие варианты экономики? Этнографы и исследователи окружающего общества прежде всего учат нас моделям неформальной моральной экономики. Семейный бизнес построен на самозэксплуатации и добровольной эксплуатации близких. Экономика выживания, где все подчинено хотя бы минимально необходимому результату, кажется значительно больше обращена к природе, чем к другим людям или анонимному обществу. "Кулинарная экономика" - это привилегия традиционного праздника и коллективных инициатив, каждый участник вносит свою долю, не считаясь с расходами, а подчиняясь традициям и значению "праздника", общего дела, в котором всякий может выиграть значительно больше, чем можно вообразить или подсчитать по своим расходам. Экономика дара и репутации простирается от детских групп до науки, артистического мира и всех добровольных объединений по интересам.

Было бы глубокой ошибкой думать, что различные экономики являются просто пережитками прошлых эпох, что они проигрывают конкуренцию экономике прибыли и обречены на исчезновение. Конечно, современные государства и международные организации возникли как силы, стремящиеся устранить из общественной жизни экономики разбоя и грабежа с помощью силы, экономики войны и завоевания,

колониализации и империи. Они стремятся контролировать или внести в рамки закона разрушительную экспансию отраслей, национальные и транснациональные монополии, поставить преграды международной и местной преступности или теневой экономике алчности. Наряду с этим, экономика дара, например, - одна из древнейших форм, является важнейшей составной частью взрывного развития интернета и всей современной информационной индустрии. Хотя и в мире интернета она сосуществует и взаимодействует с другими формами - экономикой прибыли и нелегального захвата. (См. дискуссию об этом в журнале www.firstmonday.org).

Экономика прибыли построена на коммерческом расчете, который Вебер расчетливо называл "рациональностью". Подешевле купить - подороже продать, сократить издержки - увеличить выход продукции, экономить на всем, что не касается себя (эгоизм) - вот простейшие правила экономики прибыли. Тем самым создается канал роста. Идея роста лежит в основе идеи прогресса. Но остается открытым вопрос, за счет чего рост достигается. Обычно обращается внимание только на ближайшие предпосылки роста: его механизм (расчет), мотив (прибыль), эффекты (сокращение издержек, рост выхода), цель (продукция, реализуемая с прибылью, если речь идет не просто об обращении, но и о производстве).

Классическая теория замыкает кольцо этих суждений и требует учета не только факторов производства, преднаходимых в готовом виде, но и их воспроизводства. Тем самым в расчет приходится вводить не только условия деятельности предпринимателя, но и работника, орудий труда, технологии, науки и воспроизводства невозобновимых природных ресурсов (экологии). Возникает социальный вопрос - отношений труда и капитала и посредников между ними (партий, профсоюзов, государственного аппарата) или зависимых от них сил и обстоятельств (социальный сектор воспроизводства рабочей силы, аппарат организации, поддержки и гарантирования капитала и т.п.). Классическая теория переходит в нео-классическую. Глобальное производство начинает учитываться как механизм геосферы.

Возникает иллюзия, что все в общественной жизни вовлечено во всеобщий коммерческий расчет. Глобализация производства разрушает эту иллюзию на макроуровне, а судьба обычного человека в любом обществе доказывает иллюзорность всеобщей расчетливости на микроуровне. Если правительства торгуются друг с другом как заправские торговцы-покупатели на восточном базаре, неправительственные международные организации организуют спасательные операции или стремятся ввести конкуренцию и нормы отношений в стандартные рамки. Международные общественные силы, существуя практически без бюджетов, на самофинансировании стремятся упорядочить и направить движения протеста или культурных инициатив. Моделирование реальности в (денежной) калькуляции делает человека слепым и безразличным не только к страданиям или радостям других, оно, как непрозрачная пелена, застилает ему мир природы и собственных возможностей как индивида и культурной силы. Против претензий экономизма быть всеобщим учением социального восстают и все иные общественные науки.

С экономической точки зрения любая деятельность, не приносящая прибыль, дисквалифицируется, вытесняется из расчета как неприбыльная или затратная, бездоходная. Но

проблема в том, что общественная жизнь переполнена такого рода действиями и событиями. Можно вполне сказать, что она из них и состоит. Любую такую деятельность можно попытаться оценить с точки зрения затрат, но даже такая простейшая экономическая операция не всегда осуществима и тем более осмысленна. Ведь с точки зрения экономики она тогда предстает только как разновидность процессов потребления. "Общество потребления" - это самая расхожая, казалось бы, самая нейтральная, а на самом деле, самая искусственная и вводящая в заблуждение современная идеология. Не является ли такое насилие над жизнью чрезмерным? Между тем экономика прибыли *колонирует* все социальные институты, она пытается все области жизни связать с виртуальными спекуляциями, с торговлей денежными суррогатами, от которых зависят все инвестиции, все денежные сбережения, оценка всех накопленных благ. Под влиянием этой гигантской машины даже деньги в кармане, наличность на каждый день может подвести любого участника торгового процесса. И тогда приходится возвращаться вспять, к натуральному обмену, там и если он еще возможен, а то и к охоте, рыболовству или собирательству. Впрочем, так уже неоднократно бывало в истории.

Экономика прибыли и история

Подойдем теперь к этой же проблеме с другой стороны. В какой исторической среде функционирует современная экономика прибыли? Здесь могут проясниться некоторые культурные, региональные и исторические различия между США, Европой, Россией, странами Юго-Восточной Азии и т.п.

Современная глобализация в очередной раз приводит к колоссальной концентрации капитала в ТНК и финансового капитала в банках, страховых и инвестиционных фондах. В любой данный момент транзакции финансового капитала в тысячи раз превышают объем международной торговли. Виртуальная экономика нависает над реальной экономикой. В очередной раз меняется структура глобальной конкуренции, монополизм утверждается в территориальных сегментах глобального рынка. На этом уровне действует принцип "победитель забирает все". Миграция производства в места с дешевой инфраструктурой, рынком труда и ресурсов, льготными легальными режимами ведет к разбуханию сферы услуг в районах концентрации процветания, где услуги (и прежде всего торговля деньгами) становятся гигантским рыночным механизмом капиталистического перераспределения. Услуги теперь навязываются все более сложными пакетами. В этих районах работник мог бы работать 3-4 часа в день, но инерция легальных и социальных систем принуждает его быть занятым, как и прежде, 7-8 часов в день или 35-40 часов в неделю. Некоторые группы вынуждены быть занятыми много дольше.

Старый принцип производительности и эффективности "время - деньги", отступает в тень. Доктрины *гибкости и риска*, обусловленные текучей коммерческой, финансовой и технологической конъюнктурой, принуждают ожидать и лихорадочно выбрать удачный момент, краткий период для резкого взрыва активности. Это имеет два основных следствия. Во-первых, традиционные принципы самодетельности (самообслуживания, самоуправления, самостоятельного обеспечения быта, лечения, ремонта, не говоря о строительстве нового) окончательно становятся периферий-

ными, достоянием "исключенных" из режимов привычного благосостояния. Во-вторых, утверждается система краткосрочных ориентаций, как в быту, так и в системе хозяйства, общественных учреждений и даже политики. Поведение всех сил теряет стратегический характер, оно становится все более реактивным и лихорадочным, направляемым извне. Вся жизнь перестраивается в ритме конъюнктуры. Обычно это называют *фрагментацией*.

Здесь приходит на ум одна особенность процесса становления либеральных систем в Европе. В XIX-XX веках в Европе было еще слишком много сил, которые сопротивлялись давлению "кратковременных императивов", частных интересов и сиюминутных забот. Среди этих сил традиционное устройство таких подсистем общества, как университет, церковь, монархический строй, искусство, театры и издательства, наука, порядок присвоения рангов, составления энциклопедий, выдачи и охраны патентов, громоздкая и медленная судебная система, партийные выборы и традиции дипломатии и т.п. Эти традиционные культурные комплексы какое-то время тормозили и сдерживали натиск "кратковременности забот", размещали их в особой нише "деловой жизни". Но теперь и эти границы стремительно размываются, *разжижается, ломается* вся структура традиционных институтов. Не следует, правда, недооценивать институциональную автономию в любом обществе. Внутренние силы консолидации масштабных развитых институтов переживают не только очевидные кризисы в обществе, но сохраняют свои структурные характеристики, культурные формы и ориентации на протяжении целых эпох неустойчивости или бурных изменений. Они как бы обладают собственной регенеративной силой, восстанавливают свой традиционный облик, опираясь как на внутренние резервы, так и на связи с другими институтами.

В советской системе выдающееся значение имели *оперативные режимы* управления в партийно-государственном порядке. Без них никакая система выживания, а позже система планирования не могла функционировать вообще с самого начала. Причем, режим оперативного управления был исходно всеядный и всепроникающий. Он был ежедневным, в отличие от пятилетних и годовых планов или лихорадки политических компаний. Ведь даже скептики называют советскую систему тоталитарной, что, впрочем, характеризует только некоторые ее политические особенности в пору расцвета и господства сталинизма.

Как возник этот приоритет оперативного управления перед всеми традициями и институтами сложившегося, устойчиво эволюционирующего общества? Вероятно, дело в том, что послереволюционная Россия, благодаря радикализму своей идеологической схемы и культурному взрыву серебряного века, на протяжении буквально 10-15 лет стала *самым авангардным обществом* Европы. Речь идет об отказе от сложившихся социальных механизмов, о глубоком недоверии к ним, которые были к тому же следствием первой мировой войны, череды переворотов и гражданской войны и разрухи, враждебного или равнодушного международного окружения. А новые механизмы складывались чрезвычайно медленно и конвульсивно. Реставрация старых механизмов хотя и происходила, но все время попадала под идеологическое подозрение. Фактически эволюционировать советское общество стало только с конца 50-х гг., с Хрущевской эпохи, когда и были заново выстроены или восстановлены его ос-

новные институты: промышленные предприятия и колхозно-совхозная система, школы и вузы, наука и торговля, социальные учреждения и армия и т.п.

Другой фундаментальной характеристикой советской системы было глубокое (почти непреодолимое) *политическое и юридическое неравенство* различных категорий населения, при декларируемом стремлении к сглаживанию экономических (доходных) различий. Вначале это были приоритеты - "гегемонизм" - рабочего класса перед остатками старых классов, лишенцев, крестьян. Затем различия между партийными и беспартийными, имеющими трудовую книжку и паспорта и не имеющими их, прописанными и не стоящими на учете. Наконец, заключенными, освобожденными из заключения и остальными, членами семей "врагов народа", находившимися в оккупации или в плену. Бесконечными льготными категориями. Этажами номенклатуры. В отличие от институциональных традиций, политические различия скорее продолжали усиливаться и в послебрежневскую эпоху вплоть до периода реформ.

Подчеркнем, что политические и юридически-административные различия были много важнее итоговых экономических различий. И они в явной или неявной форме касались экономических прав и обязательств также. И так, хотя советская система, как и всякая другая система, была калейдоскопом многих экономик, она прежде всего была лоскутным политическим ковром. Формулы конституции и право служили просто идеологическим занавесом, они помогали маскировать реальные механизмы функционирования. Это снабжало ресурсами воздействия любого чиновника в режиме оперативного управления. Дискурсу власти в деловом контексте постоянно наткнулся на эти особенности системы, но вынужден был их использовать как вспомогательный ресурс.

Были ли в советской системе сектор экономики прибыли? Несомненно, и прежде всего он выявлялся во внешней торговле. Вспомним нефтяной бум после 1972 года или (при всей многозначности) сектор вооружений, энергетики, естественных ресурсов, атомной и космической гонки. В сопоставлении с мировым рынком это были отрасли экономики прибыли. Но в целом государственное "народное" хозяйство страны функционировало на основе иных, политических, императивов. А прибыль народного хозяйства была внутренним, скрытым от общества резервом политической элиты. В 20-30 - е гг. страна зарабатывала деньги для милитаризации и индустриализации на экспорте зерна, одновременно грабя и разрушая собственный сельскохозяйственный сектор, позже сверхдоходы давали природные ресурсы и оборонный сектор. Использовались сверхдоходы, однако, в соответствии с политическими критериями.

Нечего и говорить, что политические различия доминировали при переходе к неолиберальной системе в последние десятилетия XX века. При этом нужно отдавать себе отчет, что важны были прежде всего реальные политические различия (а не номинальные) между разными категориями населения. Социальные связи, административный капитал ("ресурс"), навыки управления в кризисных или рискованных ситуациях, доступ к силовым или юридическим и политическим ресурсам, возможности манипуляции общественным мнением, опыт работы в закрытых системах - вот простейшие показатели реальных различий. Режим же политического равенства ("демократии") требовал устранения всей сложив-

шейся системы права, институтов и практической психологии, и этот переход все время откладывался или тормозился его необъятной громоздкостью. Конечно, он продолжается и сегодня, но скорости изменений в разных элементах существенно отличаются. Заметим, что оперативное управление, как обязанность, исчезло в первые же месяцы периода реформ. По, конечно, крайне важно, что не исчез класс оперативных управляющих, более того, он получил все преимущества в процессах приватизации или формирования частных и корпоративных капиталов в первые годы реформ сверху. Фактически, если вокруг этих реформ и шла борьба, то это было сражение между разными фракциями оперативных управленцев, а также, кое-где, всех желающих участвовать в них или криминальных кругов. Этим объясняется та легкость, с которой пожар коррупции охватил все звенья и этажи институциональной системы.

Сегодня политические различия между управляющими и управляемыми многократно усиливаются фантастическими экономическими различиями. Какая судебная система нужна, чтобы справиться со всеми этими противоречиями? Но еще более важно, что в таких условиях привычная фразеология неолиберализма и демократии превращается в насмешку, и все "нормализующие" эти формы лозунги теряют престиж и смысл. Самый яркий пример: не нравятся вам телепрограммы, реклама, кандидаты на выборах, партии, - не смотрите их, не ходите на выборы, плюньте на политику и т.п. Каждый свободен выбирать свое или отказаться вообще от выбора. И должен быть не просто доволен, но счастлив при этом. Так вместе с нерегулируемым ростом экономического неравенства утверждается режим политического бесправия, социальной безнадежности одних и социального произвола, своеволия, беспредела и авторитаризма других.

Человек как клиент

Теории индивидуализации распространяются сегодня со скоростью лесного пожара. Уже подмечено, что принуждение к так называемой культуре индивидуального выбора, индивидуального вкуса, стиля жизни и даже биографии обусловлено макро тенденциями современной транснациональной экономики. Глобальная экспансия консьюмеризма потребовала перехода от предельно стандартизированной массовой продукции к стилистическому приспособлению к национальным, локальным и искусственно сконструированным типажам потребителей. Свойства таких типажей, создаваемые индустрией массовой культуры, и призвана оправдать доктрина индивидуализации.

Хотя транснациональная экономика остается глубоко корпоративной по своим масштабам, переходя от иерархических структур к сетевым, ее внутренняя социально-психологическая структура разрушена. Сохраняя внутренний и внешний контроль на уровне менеджмента и всепроникающей электронной среды, любая компания сегодня состоит из разнообразных фракций работников разных культур, вероисповеданий и этносов. Никто более не требует от работника лояльности компании на протяжении жизни или сколько-нибудь значимого длительного срока службы. Требования качества и дисциплины имеют только режимный и финансово-технический характер. Романтический период, когда от рядовых работников ожидали компетентной включенности в обновление технологии и совершенствование схем

управления, не говоря о выборе целей развития, далеко позади даже в странах, где эта тенденция впервые зародилась. Прогресс технологии, систем образования и отбора кадров объясняют это снижение требований к персоналу.

Давление конъюнктуры настолько неуправляемо, что пресловутая *гибкость* охватила все этажи, узлы и сети корпоративного строя. Гибкости учат в элитных бизнес-школах. Для массового же работника основным идеологическим лозунгом давно уже стала *индивидуализация*. Возникнув в сфере потребления как стержень рекламы, этот лозунг, как компьютерный червь, проник во все поры общественной и частной жизни. Даже такие традиционные формы людской солидарности как семья, школьный класс или дружба перестраиваются под его разрушительным влиянием. Что уж говорить о макроструктурах общества, где человек скорее присутствует как своя функциональная тень, спорадически и акцидентально, как рядовой элемент массы, как клиент, как оператор, находящийся где-то за экраном компьютерного терминала, как незнакомый голос из мобильного телефона или как снабженная цифровыми параметрами операция в непрерывно движущейся платежной системе.

Это в девятнадцатом веке считали, что каждый заметный человек должен был проявить свой талант, развить его и предъявить обществу - так он становился индивидуальностью. Индивидуальность выделяла человека из массы и высоко ценилась. Индивидуальность должна была быть публичной, обозримой и подлежащей одобрению авторитетов, она могла быть поддержана собственными или чужими ресурсами, вынужденно апеллировала к господствующим общепризнанным ценностям. В нашем веке все довольствуются *видимостью* - оригинальность внешности, одежды, прически, вкусов - все это формируется только стилем потребления на основе платежеспособности или, лучше, кредитоспособности. Такого типа индивидуальность стала общим требованием, обычным статусным признаком, признаком *новой нормальности*. Ее единственными оправданиями становятся личные желания и возможности. Ее источники - массовая культура и плюрализм окружающего общества (в отличие от личного или коллективного опыта ближайшего окружения или поколения родителей). Такая индивидуальность не нуждается в оценке коллективным или общественным мнением, она и выстраивается иногда в прямой конфронтации с ним. Тем более она противостоит привычным авторитетам. Любые причуды поведения также можно оправдать ссылками на индивидуальность. Теперь даже незначительные отклонения воспринимаются как признаки индивидуальности: сексуальная ориентация, легкие наркотики, особая религиозность или любовь к восточным культурам.

Итак, индивидуальность беспроblemна, если она опирается на потребление и его ресурсы. Тем самым приоткрывается завеса над классовым происхождением индивидуализации, а значит, и над источниками принуждения к ней. В повседневности человек не только может демонстрировать себя, он вынужден сталкиваться с другими и без конца вступать во взаимодействие с бесчисленными социальными инстанциями. Доктрина индивидуального выбора возлагает на самого человека ответственность за эффективность этих взаимодействий, за любые их последствия. До тех пор, пока такая эффективность обеспечивается рынком и платежеспособностью-кредитоспособностью, все кажется гарантированным правами человека и его денежными ресурсами. Но все

меняется, если возникают трудности, сбои или возникают конфликты, риски, неопределенность или угрозы. Немедленно обнаруживается, что в повседневности человек бессилён, его попытки противостоять опасностям окружения осуществляются как бы в пустоте. Там, где в традиционном общественном окружении он мог опереться на общественную поддержку, сочувствие или на внимание, он сталкивается с безразличием, равнодушием, а то и враждебностью. Толпа улюлюкает, если вас бьют, она злорадствует, если вас ограбили, унизили или бросили на произвол судьбы. "Падающего - толкни!", - все начинает развиваться по этому древнему принципу. Раз связи с другими людьми и инстанциями формальны, подорваны, значит, человек может полагаться только на самого себя. Какими ресурсами он обычно располагает?

Сегодня в некоторых странах богатые вынуждены жить в закрытых, обнесенных бетонными стенами зонах с колючей проволокой наверху, по которой пропускается электрический ток, под защитой частных вооружённых охранников. Так, в Бразилии, в анклавах местных богатых и иностранцев в Сан-Паулу и других городах за этими заборами живут уже десятки тысяч людей. Внутри этих анклавов, которые иногда называют тюрьмами класса люкс, резервациями для богатых, созданы все условия для привычного труда, учебы, быта и отдыха взрослых и детей. Тем самым материализуются различия между разными экономиками в структуре городской среды - за стенами таких анклавов простирается мир криминальной агрессии и простого выживания, экологических кризисов и юридической беззащитности, социального безразличия и политического цинизма. До сих пор закрытые анклавы существовали только в деловом или политическом и военном мире. Но вот уже крепостная организация коллективной жизни становится неременной частью повседнев-

ности. Во время Всероссийской переписи переписчикам (людям с удостоверениями) оказались недоступны целые коттеджные поселки Подмосквы (Одинцово, Барвиха, Горки, Жуковка по Рублево-Успенскому шоссе и др., "где сотка земли стоит около десяти тысяч долларов"). "Попасть на эту территорию можно только через КПП, на котором круглосуточно несут вахту вооружённые охранники" (Известия, 17 окт.2002 г.). Такие анклавы имеются и в структуре городов - в Петербурге, Москве и других столицах субъектов федерации. Стремительно размножаются они и в российской провинции, где традиция закрытых зон, номерных городов и кварталов при старом режиме существовала десятилетиями. Но теперь критерии существования этих анклавов меняются. И дело не в простом возрождении старой поговорки "мой дом - моя крепость", то есть в утверждении "дворянских", буржуазных или частно-собственнических моделей. Переделка социального пространства значительно масштабнее. Кажется, она подчиняется господствующему духу глобализации, исключаяшему из своего контекста зоны и территории, не имеющие интереса для включённых, опасные или экологически нежелательные для глобальных интересов. Во всяком случае дело не ограничивается просто статусными или классовыми различиями, потенциальной или реальной враждебностью окружения или социальной дистанцией.

Итак, дух экономизма, господствующий в экономике прибыли, колонизует значительные пространства социальной жизни, он до сих пор господствует в процессах глобализации. Он порождает ответные реакции и новое качество жизни. Изучать эти процессы нелегко, слишком они непривычны. Предстоит искать новые понятия и углы зрения, отказаться от многих штампов.